

Джордж Сильвестр
Вирек

*Обнаженная
в зеркале*

Джордж Сильвестр Вирек

Обнаженная в зеркале

«Водолей»

1953

Вирек Д.

Обнаженная в зеркале / Д. Вирек — «Водолей», 1953

Роман «Обнаженная в зеркале» (1953) – последнее и наиболее зрелое произведение известного американского писателя и поэта Джорджа Сильвестра Вирека (1884–1962), где, как в фокусе, собраны основные мотивы его творчества: гармония отношений мужчины и женщины на физиологическом и психологическом уровне, природа сексуального влечения, физическое бессмертие и вечная молодость. Повествование выстроено в форме череды увлекательных рассказов о великих любовниках прошлого – от царя Соломона до Наполеона, причем история каждого из них получает неожиданную интерпретацию. На русском языке издается впервые.

© Вирек Д., 1953

© Водолей, 1953

Содержание

Вниманию заинтересованных лиц[1]	7
Предисловие	8
Глава 1	11
1.	11
2.	14
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Джордж Сильвестр Вирек
Обнаженная в зеркале**

- © А. Гарибов (наследники), перевод, 2015
- © В. Молодяков, послесловие, 2015
- © Издательство «Водолей», оформление 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вниманию заинтересованных лиц¹

Замысел этой книги возник у меня перед Второй мировой войной. Я намеревался назвать её «Тысяча и одна ночь Венеры» или «Великие любовники – великие лжецы»² и набросал несколько глав вместе с моим другом, покойным Эссад-Беем³. Мы условились, что он изложит историю по-немецки, а я на свой лад, по-английски. Смерть вырвала перо из руки Эссада. Он умер при трагических обстоятельствах в Италии в годы войны (в 1942 г. от заражения крови. – В.М.), поскольку не подходил под определение чистокровного арийца при гитлеровском режиме. Я благодарен ему за многие красочные подробности о Востоке и Средиземноморье.

Порой сюжеты убегают от авторов. Книга получилась иной, чем в первом варианте, слишком утяжелённом психологией моего друга и учителя, Колумба Бессознательного, Зигмунда Фрейда. В нынешнем виде она проще и, надеюсь, занимательнее. Этим превращением она обязана непрерывным возражениям моего молодого друга, которого назову Оводом⁴. Мы бились над каждой главой и едва ли не над каждой фразой.

Посвящаю книгу Оводу и Эссад-бею.

Нет нужды пояснять, что все персонажи, за исключением исторических и мифологических, целиком являются плодом моего воображения. Уверен, что некоторые герои: Казанова, Дон Жуан, Геракл, Ги де Лузиньян, Сократ, Юлий Цезарь, царь Соломон и Билкис, царица Савская – перевернулись бы в могилах и подали на меня в суд за клевету, если б могли. Однако чем больше правда, тем больше иск!

* * *⁵

Все персонажи и события этой книги, за исключением исторических личностей, с которыми автор обошелся с некоторой вольностью, целиком являются плодом моего воображения и не имеют никакого отношения к реальным людям или событиям.

Британское издание романа посвящено моему другу и коллеге, покойному Эссад-Бею, автору многих причудливых историй, и молодому американцу, которого я назвал Оводом. Американское издание я посвящаю замечательному, понимающему и искреннему другу, дорогой Джейн⁶.

¹ Предисловие автора к британскому изданию 1952 г. (Все подстрочные примечания принадлежат переводчику и редактору).

² Так Вирек позднее озаглавил рецензию на биографию Казановы: Great Lovers Are Great Liars // Good Times. Vol. 2. № 16 (1955).

³ Эссад Бей – псевдоним Льва Нуссинбаума (1903–1942), писавшего по-немецки литератора и публициста, друга автора в 1930-е годы; Вирек обсуждал с ним замысел романа в 1938 г. или в 1939 г.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Предисловие к американскому изданию 1953 г.

⁶ Джейн Шилдс – писательница и журналистка, знакомая Вирека с конца 1940-х годов.

Предисловие

Эту книгу критики поднимут на смех или проигнорируют, поскольку она разрушает броню мужского тщеславия. Кажется, Киплинг заявил, что самки всех видов живых существ более смертны по сравнению с самцами. Однако тут он проявляет некоторую неосведомлённость. Женщины не только более смертны, но и более жизненны. С точки зрения биологии, мужчина не более чем высокоспециализированный ходячий фаллос. К сожалению, это одно из наименее удачных созданий природы, даже в юном возрасте, когда, согласно Кинзи⁷, он имеет наивысшую потенцию. «Обнажённая в зеркале» ясно демонстрирует сексуальное превосходство женщины над противоположным полом. Эта книга развенчивает – в забавной манере, хотя и не без издевки – легенду о мужском превосходстве.

Я не всегда придерживался такого взгляда. В 1910 или 1911 гг., когда я впервые задумал серию о Вечном жиде («Мои первые 2000 лет. Автобиография Вечного жид», «Саломея, Вечная жидовка. Мои первые 2000 лет любви» и «Непобедимый Адам» – задача, которая была выполнена много лет спустя в сотрудничестве с Полом Элдриджем⁸), я смотрел на мужчину в полном расцвете сил, столь явно наделённого от природы всеми необходимыми для сексуального контакта аксессуарами, как на венец творения. Эти книги, опубликованные в 1928, 1930 и 1932 гг. соответственно, до сих пор продаются по всей Британской Империи и в Соединённых Штатах. В отличие от многих бестселлеров того времени, трилогия уже просуществовала более 30 лет из своих первых двух тысячелетий. Какое-то время она была эротической библией молодых американцев. Каждая книга независима от других, и тем не менее они взаимосвязаны. Один британский критик назвал «Саломею» «женой» первой книги. Если это так, то «Непобедимый Адам» является их сыном, полным кипучей энергии.

У каждой книги своя судьба. В Германии «Мои первые 2000 лет»⁹ была сожжена на одном из первых нацистских аутодафе перед Институтом сексуальных исследований доктора Магнуса Хиршфельда¹⁰. Публиковать две другие книги запретили. Доктор Геббельс не мог вынести мысли о еврее, триумфально шествующем через два тысячелетия и три книги. Издателя заставили уничтожить набор и все отпечатанные экземпляры.

Все три книги – это, по сути, эротическая история человеческой расы. Возможно, поэтому они вызывают обострённую реакцию. Судьба «Моих первых 2000 лет» была полна превратностей. Немецкое издание было уничтожено гитлеровскими приспешниками. Выходу книги на испанском языке, о чём уже была достигнута договорённость с крупным издательством, помешал военный переворот.

Сотни книг были написаны про Вечного жид, известного под многими именами (Картафил, Салафиил, Агасфер и т. д.), который должен бродить по земле до второго пришествия Христа. Все мои предшественники, включая Эжена Сю¹¹, который возглавляет этот список, изображают его дряхлым стариком, который ищет спасения от своего проклятия в раскаянии и смерти. Мой персонаж Картафил наслаждается своими земными похождениями. Он вечно молод, красив и полон сил. В мире среди властителей, мудрецов и глупцов он ищет «непре-

⁷ Альфред Кинзи (1894–1936) – американский зоолог и сексолог, автор книг «Сексуальное поведение самца человека» (1948) и «Сексуальное поведение самки человека» (1953); знакомый Вирека с 1947 г.

⁸ Пол Элдридж (1888–1982) – американский беллетрист и драматург, написавший в соавторстве с Виреком 4 романа (кроме упомянутых «Князь Мир» (1933)); в 1933 г. разорвал с ним отношения.

⁹ Перевод книги выполнен в 1928 г. Густавом Майринком.

¹⁰ Магнус Хиршфельд (1865–1935) – сексолог, один из крупнейших исследователей гомосексуальности и бисексуальности; близкий знакомый Вирека в 1920–1930-е годы.

¹¹ Эжен Сю (1804–1854) – французский писатель, представитель массовой социальной беллетристики 1840-х годов; автор романа «Вечный жид».

рывного, бесконечного наслаждения» – цель, к которой стремится любой мужчина, полный сексуальной энергии. Однако за две тысячи лет он не может достичь окончательного удовлетворения своих устремлений из-за того, что я называю «двойное цветение страсти» – бисексуальность всех человеческих существ. Никто, кроме Саломеи, не может удовлетворить все стороны его либидо.

Платон первым высказал мысль о том, что первоначально все люди обладали гениталиями обоих полов. С тех пор как некое злое божество разделило человека надвое, каждая половинка стремится найти свою вторую, отсутствующую. Стремление воссоединиться со второй, необязательно лучшей, половиной объясняет секрет сексуального влечения. К сожалению, даже если эта теория оказалась бы верна с точки зрения антропологии, разделение никогда не бывает чётким и ясным. Никто не может быть стопроцентным Адамом и стопроцентной Евой. Каждый мужчина сохраняет некоторые женские признаки, включая рудиментарную матку. Каждая женщина, физически и психологически, обладает рудиментарными мужскими признаками. Две половинки редко соединяются вместе. Поэтому практически невозможно найти двух партнеров, идеально подходящих друг другу. Этим, видимо, объясняется то, что почти все любовные связи и браки заканчиваются разрывом.

Сюжет второй книги завязан на женском аналоге Картафила – Саломее, любимой внучке царя Ирода, которая проходит сквозь время в напрасных поисках совершенства. Саломея смеется над самомнением Картафила, но тем не менее не сомневается в мужском превосходстве. Она стремится сделать женщину «равной» мужчине. В конце концов она создает существо, у которого есть лучшие черты обоих полов и которое при этом не является монстром. Однако эксперимент опережает эволюцию на миллион лет, и замечательный гомункулус гибнет в результате природной катастрофы. В эксперименте длиною в век Саломеей движет то, что создатель психоанализа Зигмунд Фрейд определил как «женская зависть к мужскому пенису».

В центре третьей книги «Непобедимый Адам» – Котикокура, здоровый молодой человек с неистощимыми эротическими возможностями, которые Кинси приписывает подросткам. Несмотря на огромное самомнение, которое побуждает его в течение двух тысяч лет неотступно преследовать женщин, он не может найти любовь, поскольку не познал секрет нежности и понимания. Ему ничего не известно о «женщине внутри мужчины» и «мужчине внутри женщины».

Необходимо разъяснить эту теорию секса, потому что предлагаемая книга в каком-то смысле вытекает из трилогии о Вечном жиде. Лакшми, индийская богиня любви, спутница Саломеи в её путешествиях, появляется тут и там на страницах книги. По какой-то необъяснимой причине Лакшми иногда принимает облик черепахи. Стелла де ла Мар, искушённая героиня моей книги, каким-то таинственным образом владеет мудростью Лакшми. Индийская богиня незримо присутствует в объятиях всех возлюбленных. Она испытала ласки всех знаменитых любовников – от Геракла, который за одну ночь лишил девственности 50 девушек, до Казановы и Дон Жуана. Обладая этими знаниями, Стелле удаётся заинтриговать наивного, молодого американского профессора Адама Гринлифа, который ищет романтических приключений в круизе по Средиземноморью. Сознывая превосходство женщины над мужчиной, Стелла, не задумываясь, использует свою власть. «Обнажённая в зеркале» – это своего рода «Тысяча и одна ночь». Многочисленные истории в книге связаны между собой любовной интригой между Стеллой и Адамом Гринлифом.

Повторим, что женщина, несмотря на кажущуюся слабость по сравнению с мужчиной, на самом деле побеждает в любовной игре. Мир, состоящий из одних мужчин, обречён на вымирание. Мир, населённый одними женщинами, имеет шанс выжить. Женский пол является первостепенным, по сравнению с мужским. Как обнаружили ученые Рокфеллеровского института, женский организм (по крайней мере, у менее развитых видов) может воспроизводиться без помощи мужского организма. А более поздние эксперименты показали, что даже у млекопи-

тающих яйцеклетку можно искусственно стимулировать для выполнения ею функции воспроизводства. Уколом иглки можно оплодотворить морского ежа или лягушку. Лёд, положенный вокруг фаллопиевых труб крольчихи, вызывает у неё беременность.

«Мы, несчастные мужчины, не являемся незаменимыми».

Но не воспринимайте всё это слишком серьезно. Сексуальные отношения сохранятся. В обозримом будущем юноши по-прежнему будут встречаться с девушками. Моя книга – не научный трактат, а забавный рассказ; шутка, слишком острая для моральных евнухов, и посвящённая великим любовным историям. Она позволяет заглянуть в спальни к величайшим любовникам. Разумеется, за исключением исторических и мифологических героев, все персонажи созданы моим воображением. Некоторые исторические фигуры – Казанова, Дон Жуан, Геракл, Ги де Лузиньян, Сократ, Ксантиппа, Клеопатра, Юлий Цезарь и его приятель Антоний, царь Соломон и Билкис, царица Савская, могут перевернуться в могилах и подать на меня в суд за клевету. Ну и что?

Глава 1

Профессор отправляется в отпуск

1.

АДАМ ГРИНЛИФ, доктор философии, со вздохом облегчения закрыл тетрадь со своими записями. Снял очки в массивной чёрной роговой оправе и аккуратно убрал их в футляр. Очки он носил главным образом для того, чтобы казаться старше и строже; на самом деле они лишь подчёркивали его молодость. Голубые глаза скользнули по классу, по обожавшим его ученицам, которым он улыбнулся на прощание. Это была несколько смущённая, мальчишеская улыбка, хотя Адам старался всем своим обликом демонстрировать холодную и одновременно вежливую сдержанность. Его каштановые волосы были аккуратно причёсаны, но одна непокорная прядь постоянно спадала на лоб.

Взволнованные ученицы Адама столпились вокруг кафедры. Он сердечно жал им руки, сохраняя при этом некоторую холодность, которая стала его второй натурой после двух лет преподавания в колледже для девочек.

В свои тридцать с небольшим молодой доцент-филолог добился значительных научных успехов, которые принесли ему известность далеко за пределами Покипси¹². Он любил женскую аудиторию – несмотря на своё мужское высокомерие, а, возможно, именно из-за него.

«Когда вы отплываете, профессор?» – спросила, печально вздохнув, курносая девушка в цветастой блузке.

«Завтра. Я отправляюсь на “Мундании” в круиз по Средиземному морю», – механически ответил он.

Еще одна мисс, с кривыми зубами и кривой улыбкой, оттеснила одноклассницу, в то время как любимец университета Вассар¹³ собирал портфель. Адам вежливо попросился с ней, однако он явно спешил, и у барышни не было возможности завязать беседу. Она отошла от кафедры, пытаясь скрыть разочарование.

Адам вышел, а девушки остались в классе, разбившись на отдельные группы и переговариваясь.

– Не правда ли, он восхитителен? – вздохнула курносая.

– Я не думаю, что он такой уж искущённый, – ответила девушка с кривой улыбкой. – Он, конечно, много знает о литературе, но не думаю, чтобы он много знал о жизни.

– Ты настроена против него, потому что он не поставил тебе высший балл, несмотря на всё твоё кокетство.

– Мне плевать на оценки. И я вовсе не кокетничала с ним. Зато я слышала, что говорила про него профессор психологии.

– Кто именно? – спросила девушка из задних рядов.

– Мисс Пауэлл.

– А, эта старая дева...

Девицы рассмеялись и придвинулись ближе, чтобы ничего не пропустить. Обладательница кривых зубов зловеще усмехнулась.

¹² Город в штате Нью-Йорк.

¹³ Университет в штате Нью-Йорк.

– Она назвала его *demi-vierge*¹⁴ в мужском обличье. Я подслушала, как она говорила это преподавательнице французского.

– А что это такое – *demi-vierge*? – спросила одна из девочек. – У меня плохо с французским.

– *Demi-vierge* в мужском обличье, – вступила в разговор костлявая девица с гнусавым голосом, – это парень, который не заводит с женщинами серьезных отношений.

– О! Пауэлл просто ревнивая кошка! – решительно возразила курносая. – Она злится, что Гринлиф не увлекся ей, несмотря на её докторскую степень.

– Ну, похоже, он никем не увлекся, – заметила девушка с кривыми зубами. – Он проводит всё время за книгами. Ему не хватает темперамента.

Раздались протестующие возгласы.

– Я думаю, он просто соблюдает осторожность, – предположила барышня помоложе, прилепляя жвачку под профессорский стол.

– Несомненно, он настоящий мужчина, – вздохнула самая верная защитница Адама. – Говорят, – её голос понизился до шепота, – у него роман с замужней женщиной в Территауне¹⁵.

Слушательницы недоверчиво охнули.

– Чушь! – заявила одна. – Это его сестра. Она преподаёт математику в старших классах.

– Откуда ты знаешь?

– Я слышала, как он упоминал о ней в разговоре с Пауэлл. Они оба приехали сюда из штата мускатного ореха¹⁶.

– В любом случае, он себе на уме. И вообще, он прелесть, – воскликнула курносая.

Большинство девушек её поддержали.

– Кроме того, – продолжала она, почувствовав себя увереннее, – вы не можете отрицать, что он настоящий ученый. Он знает греческий, и староанглийский, и санскрит. И ещё он читает Ницше, – на этом имени она слегка запнулась, – в оригинале.

– Ну и что? Возможно, именно в этом источник его тщеславия. Он считает себя суперменом. Возможно, в глубине души он фашист и женоненавистник. Помните, как он декламировал эти строчки из «Локсли-Холл»?¹⁷

– Какие строчки?

– «Женщина – меньше, чем мужчина.

Все ваши страсти, в сравнении с моими, —

Как Луна перед Солнцем,

Как вода, в сравнении с вином», – прочла она, пародируя манеру Адама.

Барышни захихикали.

– Если Гринлиф действительно так думает, ему лучше об этом помалкивать, – прошипела костлявая девица.

После этого в поднявшемся гуле было уже практически невозможно различить отдельные голоса, разве что курносая продолжала защищать своего кумира, а девица с кривыми зубами ещё глубже запустила коготки в отсутствующего профессора.

Когда курносая изобразила Адама как современного прогрессивного мыслителя, вмешалась ещё одна девушка.

– Я знаю кое-что, чего не знаете все вы, – заявила она с таинственным видом.

– Что? – поинтересовалась та, что с кривыми зубами.

– У него есть тайный порок!

¹⁴ *demi-vierge* (*фр.*) – девица легкого поведения.

¹⁵ Город в штате Нью-Йорк.

¹⁶ Прозвище штата Коннектикут.

¹⁷ Книга стихов английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892).

Посыпались предположения.

– Он курит травку?

– Он алкоголик?

– Он колется?

– На людях он притворяется продвинутым. Он постоянно разглагольствует об Элиоте и Паунде, а на самом деле любит Киплинга и Суинберна¹⁸.

– Что?!

Последовало гробовое молчание.

– Кто тебе это сказал?

– Мой брат. Он не раз слышал, как тот декламировал этих поэтов 19-го века в душевой YMCA¹⁹.

Некоторые прыснули со смеху. У курносой был подавленный вид. Потом последовали крики, кудахтанье, визг. Всё это отдаленно напоминало крики гусей, которые спасли Рим от внезапного нападения врагов.

¹⁸ Томас Стернз Элиот (1888–1965) и Эзра Лумис Паунд (1885–1972) названы здесь как представители поэтического авангарда, Редьярд Джозеф Киплинг (1865–1936) и Алджернон Чарльз Суинберн (1837–1909) как поэты, давно вышедшие из моды. Суинберн был одним из любимых поэтов молодого Вирека.

¹⁹ YMCA: Young Men's Christian Association (*англ.*) – Христианский союз молодых людей (международная организация).

2.

В то время как ученицы продолжали перемывать косточки молодому профессору, Адам добрался до своей съёмной квартиры и готовился покинуть Нью-Йорк. Он закончил паковать багаж, попрощался с хозяйкой, на такси доехал до станции и дожидался поезда, что-то весело мурлыча себе под нос. Адам предвкушал двухмесячный круиз, во время которого ему предстояло посетить Испанию, Италию, Грецию и легендарные порты североафриканского побережья. Интерес к поездке имел не только научный характер – его влекла неистребимая надежда найти на далёких берегах великую любовь, которую до сих пор не удалось встретить дома. А неутолённый любовный голод не могли заглушить даже карьерные амбиции.

Примерно за час до отплытия Адам вступил на палубу плавучего небоскрёба, который должен был доставить его в экзотические страны, где он – с некоторым душевным трепетом – надеялся пережить Большое Любовное Приключение.

Причал и корабль были украшены цветными транспарантами, повсюду сновали взволнованные пассажиры. Оркестр играл национальные гимны стран, которые судно должно было посетить во время круиза. Везде царило радостное, почти детское возбуждение; лишь стюарды – гладко выбритые, в белых форменных куртках – молча выполняли свою работу. Для них не было ничего непривычного. Скоро заревут корабельные сирены, затрубят трубы, и два буксира выведут итальянский лайнер «Мундания» в море.

Адама никто не провожал; он терпеть не мог долгие прощания и предпочел в одиночестве побродить по кораблю, на котором ему предстояло провести столько времени. Переполюняемый возбуждением и любопытством он расхаживал по застеленным коврами коридорам и разукрашенным залам, словно Тезей в Лабиринте.

Везде царило лихорадочное веселье, люди обнимались на прощание, хлопали друг друга по спине. Бар ещё не работал, однако в дальнем углу салона Адам заметил компанию из четырех мужчин и женщины, которая сидела к нему спиной. Очевидно, они принесли с собой шампанское и коктейли, а стюард лишь снабдил их бокалами и льдом. Несмотря на выпивку, мужчины казались подавленными.

Устав от прогулки, Адам пристроился неподалеку от компании, делая вид, что листает журнал. Он по-прежнему видел только спину женщины, но теперь мог слышать отрывки разговора. У неё были пышные золотистые волосы, собранные в греческий узел; они окружали голову, словно ореол. Адаму лишь оставалось рисовать в воображении черты её лица. На столе стояли пять бокалов, но к ним никто не притрагивался. Женщина оживлённо поворачивала голову то к одному, то к другому собеседнику, но те, казалось, пребывали в каком-то странном унынии.

– Когда же мы встретимся вновь? – с юношеским волнением спросил один из них. – Никто никогда не знает, куда Вы направляетесь, и что собираетесь делать. Вы появляетесь и исчезаете, словно комета. На сколько Вы пропадёте на этот раз?

Женщина взяла бокал, и Адам впервые услышал её голос. Он звучал чуть хрипло, и смысл сказанного не имел для него никакого значения. Это могла быть какая-то банальность, но Адама пробрала дрожь. Он не смог бы объяснить, чем взволнован. В словах, в интонации не было ничего необычного, а вот при первом же звуке хриловатого голоса Адама бросило в дрожь; чувства обострились; в нём пробудилось странное, мучительное желание. Но какое именно?

С напряжённым вниманием он вслушивался в слова незнакомой женщины.

– Я не знаю, джентльмены, когда мы встретимся вновь. Может, пройдёт несколько месяцев; может, столетие. Не надо хмуриться, Джимми, у тебя от этого такой глупый вид. Возможно, ты поймёшь, что я имею в виду, когда увидишь меня вновь. Где-нибудь, когда-нибудь...

– Хочу поблагодарить вас за внимание, которое вы мне уделили, – продолжала она. – Все вы были ко мне очень добры. Я никогда не чувствовала себя так комфортно в Америке со времен Монтезумы... Не смейся, Дональд, это так. Я знаю, что говорю. Я всегда любила Мексику...

Один из четверых встал. Адам смог хорошо рассмотреть его. Он был значительно старше остальных, на обветренном, угрюмом лице застыла циничная усмешка. Это могло быть лицо боксёра или гангстера, который сумел преуспеть в жизни. Мужчина потянулся к руке женщины, но тут другой, ещё почти юноша, попытался опередить его. Старший слегка оттолкнул молодого, а светловолосая женщина ласково провела рукой по каштановым кудрям юноши.

– Не переживай, Джерри. Мы ещё встретимся. Я уже говорила об этом, и повторяю вновь. Где-нибудь, как-нибудь, когда-нибудь. Не знаю, какое у меня тогда будет имя. Возможно, вы даже не узнаете меня...

– Разве я смогу Вас забыть?! – воскликнул юноша.

Адаму было неприятно зрелище полного подчинения молодого человека этой странной женщине.

– Типичный пример завышенной оценки сексуального объекта, – пробормотал он.

В этот момент раздался гудок. Мужчины поднялись, и Адам затрепетал от радости; он понял, что все они были лишь провожатыми, которые пришли проститься с загадочной дамой. Прежде чем он сумел рассмотреть её лицо, она исчезла вместе со своим эскортом.

– Кто эта блондинка? – спросил Адам услужливого стюарда.

– Леди Стелла де ла Мар, сэ. Ранее она уже путешествовала с нами.

– Стелла де ла Мар? Морская звезда? – задумчиво повторил Адам. – Очень необычное имя. Какой она национальности?

– У неё британский паспорт, сэ, но я слышал, как она говорила с арабами и китайцами на их родном языке.

Адам дал стюарду щедрые чаевые. Тот слегка поклонился. Спрятав деньги в карман и собирая со стола пустые бокалы, он прошептал:

– Она занимает каюту-люкс № 7, ту, что с балконом.

Глава 2

Зеркало

«МУНДАНИЯ» величественно вышла из гавани Нью-Йорка. Статуя Свободы растаяла в сером тумане. На какой-то миг показался мрачный остров Эллис²⁰. Раздался гонг, приглашавший на обед. Пассажиры собирались в салоне-ресторане. И хотя половина населения мира в этот момент голодала, изысканность и разнообразие блюд в меню посрамили бы знаменитого римского гурмана Лукулла, чьи пиры являлись предметом зависти самих Цезарей.

Адам разместился за круглым столом между перезрелой красавицей миссис Ирмой Ривингтон (богатой разведённой) и пожилой вдовой судьи Верховного Суда. Напротив сидел какой-то балканский дипломат с большим носом и маленькими усиками, которые он время от времени нервно пощипывал. Рядом его немолодая, невзрачная сестра, далее джентльмен, чей выпирающий живот не мог быть скрыт даже отлично сшитым костюмом. Он представился как Освальд Ван Нордхайм, голландский химик, и поддерживал разговор, отпуская саркастические замечания. Его английский был так же безукоризнен, как и его одежда, однако, когда он увлекался беседой, в его речи проскальзывал лёгкий иностранный акцент.

Миссис Ривингтон отчаянно, но безуспешно флиртовала с Адамом и с дипломатом, который удостоил её короткой вежливой беседы. Адама не интересовала ни сама красотка, ни её вечернее платье, не скрывавшее пышную грудь. Он вежливо отвечал на вопросы о весёлой университетской жизни и о докладе Кинси, однако его мысли были далеко. Притворяясь, будто слушает болтовню спутников, Адам пытался отыскать глазами золотоволосую красавицу, завладевшую его воображением. Но всё напрасно! Леди Стеллы де ла Мар нигде не было видно.

После обеда он продолжил розыски неуловимой женщины и изучил список заказанных мест в ресторане. Оказалось, что Стелла не бронировала столик в главном салоне. Адам проверил гриль-бар и шикарный ресторан «Ритц» на верхней палубе. Всё напрасно: её решительно нигде не было. Она сверкнула, как комета, и исчезла. Очевидно, загадочная женщина заказывает еду к себе в каюту.

Следующие несколько дней, всё больше сменяемый любопытством, Адам бродил по палубам и барам, бывал в танцевальном зале и в казино в надежде хотя бы мельком увидеть неуловимую красавицу. Часами прохаживался перед салоном красоты. Видел пожилых матрон из сонных, провинциальных городков, скромных женщин среднего возраста из шумных больших городов, стаи охотниц за мужьями и несколько молодых привлекательных особ. Но Стеллы среди них не было.

Адам сразу же отказался участвовать в спортивных играх, которые привлекали как молодых, так и старых. Почтенные пожилые джентльмены перенапрягли сердце, истязая себя спортом; это был последний всплеск жизненных сил перед неизбежным наступлением дряхлости.

Но где бы Адам ни искал, он не обнаружил ни следа Стеллы. Кюота № 7 оставалась словно запечатанной.

От главного стюарда он узнал, что её каюту обслуживает молодой смуглолицый сицилиец по имени Феликс. Адам попытался завязать разговор с этим красивым, в южном, латинском стиле, юношей, но даже щедрые чаевые не помогли что-либо разузнать.

Преисполненный раздражения, Адам направился в бар и заказал выпить. Он сидел, потягивая коктейль, когда к нему подошел грузный Ван Нордхайм и сел рядом.

– Всё время в поиске, – с улыбкой заметил он. – Пожалуй, я буду называть Вас Гринлиф-искатель. Что же Вы ищете? Философский камень? Или пропавшую Венеру?

²⁰ Остров в Нью-Йоркском заливе; в 1892–1943 гг. один из основных иммиграционных центров.

– Могу заверить, что не философский камень, – пробормотал Адам.
Ван Нордхайм рассмеялся.

– Кто эта леди? Как её зовут?

– А Вы случайно не знаете леди Стеллу де ла Мар? – вопросом на вопрос ответил Адам.

– У Вас хороший вкус, – заметил голландец, но ничего не пояснил.

Адам, хоть и без особой охоты, стал участвовать в некоторых развлечениях, однако ни пинг-понг, ни другие забавы не могли полностью увлечь его и оторвать от поисков. Хрипловатый голос той женщины до сих пор звучал у него в ушах.

«Мундания» приближалась к Европе. Побережье ещё не было видно, но чайки, предвестницы суши, уже кружили над кораблем в надежде на угощение. На следующий день «Мундания» должна была достичь Гибралтарского пролива, который древние считали концом мира.

Обед закончился. Стемнело. Адам одиноко сидел в зале; у него не было желания ни флиртовать, ни даже беседовать с кем-либо. Спустя полчаса он встал и угрюмо побрёл по бесконечным коридорам в свою скромную каюту. Подчиняясь какому-то непреодолимому импульсу, он выбрал маршрут, который вёл мимо каюты Стеллы.

Вдруг его сердце учащённо забилось. Дверь была приоткрыта, из каюты на пол коридора падал треугольник света. Забыв обо всех приличиях, Адам заглянул внутрь.

Стелла стояла перед высоким зеркалом совершенно обнажённая. Её нагота казалась абсолютно естественной. Задумчиво рассматривая себя в зеркале, она укладывала золотистые волосы вокруг головы в пучок на манер Психеи.

Адам застыл поражённый. Он знал это тело, знал его уже давно – по многочисленным иллюстрациям и скульптурам. Это же Афродита Праксителя! Словно ожил холодный мрамор. Она стояла перед ним живая, её тело трепетало от радости и земных желаний. В отличие от Венеры Милосской, она не прикрывала стыдливо свои женские прелести. Её лицо было так же божественно прекрасно, как и тело; в его чертах не было ничего порочного, не было в них и никакого смущения.

– Ну и ну! Так вот она – та, кем восхищался весь мир, – пробормотал Адам.

Скованность и стыдливость, унаследованные им от предков-пуритан, вдруг исчезли. Он шагнул внутрь – очарованный Тангейзер, восходящий на заколдованную гору, где обитает Венера.

Губы Стеллы дрогнули в улыбке, когда она повернулась к нему. В её глазах не было ни испуга, ни удивления. Адам был глубоко взволнован, но это не было обычное возбуждение, которое охватывает мужчину, когда он – намеренно или случайно – смотрит на красивую, обнажённую женщину. Помимо желания он, странным образом, испытывал благоговейный трепет.

– Леди, – воскликнул он, словно пытаясь извиниться за нежданное вторжение, – неужели Вы – Богиня Любви?

Женщина оставалась неподвижной и смотрела на него.

– Ты прав, – наконец, ответила она. – Это я. Сейчас я предпочитаю называться леди Стелла де ла Мар, но у меня много других имен. Некоторые называют меня Фрея²¹, Фригг²², или Лакшми²³...

– Лакшми?

– Да, индийская богиня любви. Другие же, – продолжала она, – предпочитают называть меня Венерой или, как ты, Афродитой...

Она по-прежнему улыбалась, но глаза её оставались серьезными.

²¹ В северной мифологии богини любви и красоты.

²² В германской мифологии богиня брака и семейного очага, супруга Одина.

²³ В индуистской мифологии богиня счастья и плодородия, супруга Вишну.

– Почему же, великая богиня, ты спустилась на землю? – с легкой иронией спросил Адам, принимая игру.

Казалось, Стелла раздумывала над ответом; при этом она не делала попыток прикрыть наготу, словно быть обнажённой для неё – самое естественное состояние. Потом откинула голову назад и мечтательно сказала:

– Я ищу идеального любовника.

– В таком случае, – заявил Адам с уверенностью, которой вовсе не испытывал, – твои поиски закончились. Я перед тобой.

– Может, тебе лучше прикрыть дверь? – спросила Стелла.

Адам быстро подчинился. Потом бросил взгляд на Стеллу. Теперь настал подходящий психологический момент для решительного штурма, однако её скептическая улыбка привела его в замешательство. Чтобы скрыть смущение, он заговорил.

– Меня зовут Адам Гринлиф... э-э-э... Профессор Гринлиф.

– И ты считаешь себя идеальным любовником?

Она пристально разглядывала Адама; казалось, пронизательный взгляд раздевает его. Он покраснел, от волнения у него слегка дрожали руки.

– Ты смущён, – заметила Стелла. – Пожалуй, мне лучше надеть платье.

Голос звучал совершенно беззаботно. Адам тяжело опустился на стул. Ни прочитанные книги, ни скромный личный опыт не могли подсказать ему, как действовать в такой необычной ситуации.

Стелла накинула пеньюар цвета морской волны. Длинное одеяние красиво облегло тело, под тонкой тканью вызывающе просвечивали твёрдые груди. «Что это, – подумал Адам, – розовые бутоны среди зелёной листвы или стрелы, направленные в меня, чтобы свести с ума?»

Луч света упал на волосы женщины и окрасил их в ярко-медный цвет, очертил классический профиль, от которого, казалось, исходило какое-то синеватое сияние.

Он должен что-то сказать, но что именно? Слова, которые легко приходили к нему во время лекций, теперь его покинули. Её губы казались созревшим фруктом. Может, ему следует подчиниться порыву и впитаться в этот фрукт? Цвет губ был естественным. Никакая губная помада из арсенала Elizabeth Arden или Helena Rubinstein не могла бы превзойти этот восхитительный оттенок.

Продолжая одеваться, Стелла взглянула на него и улыбнулась. Ясно, что такую женщину нельзя покорить, действуя обычным образом. Она бы просто рассмеялась. К ней нужен особый подход. В голову Адаму пришла мысль: может, он сумеет заинтересовать её, если *не будет* спешить заняться с ней любовью. Он хотел не просто обладать этой женщиной, он стремился покорить её. Если она решила разыгрывать из себя «богиню», то он, Адам Гринлиф, примет позу божественной невозмутимости.

Стелла опустилась на кушетку, легко, словно цветок. Пристально посмотрела ему в глаза. Несмотря на решимость сохранять невозмутимое спокойствие, Адам был бледен от волнения.

– Завтра мы подойдем к Гибралтару, – сказал он безразличным тоном, пытаясь скрыть бурлившие чувства.

Стелла иронически улыбнулась.

Неужели она видит его насквозь? Неужели все его действия настолько очевидны и предсказуемы?

– Завтра, – мягко сказала она, – мы увидим Геркулесовы Столбы. А теперь, мне хочется спать...

Она бросила взгляд на дверь.

Адам попрощался с «богиней». Он испытывал сразу и облегчение, и обиду; и вообще чувствовал себя не в своей тарелке.

– Что принесёт завтрашний день? – думал он, возвращаясь в свою каюту.

Глава 3

Геракл

СКАЛА Гибралтара казалась кулаком, угрожающе поднятым в ласковое южное небо. Тут и там среди камней виднелись кактусы и алоэ, упорно цеплявшиеся за жизнь.

– Внушительный столб! – воскликнул Адам. – Геракл, несомненно, был сильным мужчиной, если сумел установить его здесь...

Стелла рассмеялась.

– Сильные мужчины не всегда оказываются теми, кем их считают.

– Геракл, наверняка, был силен, иначе он не смог бы совершить 12 подвигов.

– Ты, очевидно, не знаешь о его тринадцатом подвиге?

– Что же это было?

– Он за одну ночь лишил девственности 50 девушек, при этом не возбудил чувства ни в одной из них.

– Тогда этот любовный подвиг пропал впустую, – пошутил Адам.

– Любовь там вообще была ни при чём. Девушек Гераклу подарил царь за то, что тот убил свирепого льва... – Откуда тебе это известно?

– Я знала Геракла, – спокойно ответила она.

– Ты меня разыгрываешь. Ты где-то прочла эту историю. Наверно, в судебной библиотеке, там есть энциклопедия...

– Я никогда не читаю, – улыбнулась Стелла. – Я слишком занята, чтобы тратить время на книги.

Адам с удивлением отметил, что стая голубей (которые некогда считались священными птицами Афродиты) вьётся вокруг Стеллы, словно она и вправду богиня любви. Они продолжали прогулку. Испанцы, негры, марокканцы сновали вокруг них по узким улочкам города, который когда-то был крепостью. Одежды некоторых напоминали Адаму тоги римских сенаторов и греческих философов.

Тут и там встречались британские военные с неизменным стеком под мышкой, надменно шествовавшие сквозь толпу местных жителей. С другой стороны узкого пролива, разделяющего два континента, манила к себе экзотическая Африка. Адам купил у торговцев несколько сувениров. Стелле всё надоело. Сославшись на головную боль, исконную привилегию любой женщины (даже если она богиня), она убедила Адама вернуться на «Мунданию» первым же катером.

Когда они поднялись на борт, Адам увидел Ван Нордхайма, который сидел в кресле и читал книгу. Толстый голландец добродушно кивнул им. Адам проводил Стеллу в её каюту.

– Сейчас я немного устала, – ласково сказала он, – но ты заходи ко мне после обеда, и я тебе кое-что расскажу о Геракле.

Перспектива провести вечер с «богиней» улучшила настроение профессора, и он отправился к себе вздремнуть. Он ворочался в постели, и Стелла являлась ему то Афродитой Праксителя, то Венерой Милосской, чьи руки, чудесным образом возникшие вновь, обнимали его разгорячённое тело.

Проснувшись, он решил принять душ. Напрягая мышцы и разглядывая себя в зеркало, Адам размышлял: «Возможно, я не Геракл, но, думаю, Стелла не будет разочарована...»

Чувствуя себя посвежевшим после душа и преисполненный оптимизма, профессор быстро покончил с ужином, торопливо извинился перед дамами за столом и с мальчишеским нетерпением поспешил к каюте Стеллы.

Он постучал в дверь. Стелла сразу разрешила войти. Её голос звучал чуть более хрипло, чем обычно. Адам вошел. Она сидела в шезлонге. Рядом на маленьком столике стоял серебряный поднос с необычной формы фляжкой и наполовину наполненным бокалом. Стелла плеснула немного в другой стакан, для Адама.

– Выпей, – сказала она.

Он отхлебнул. Напиток подействовал на него как любовное зелье. Стелла казалась ещё более восхитительной, ещё более соблазнительной, чем накануне вечером. Забыв о намерении разыгрывать холодного любовника, он покрыл поцелуями тонкие руки Стеллы. Он крепко обнял её совершенное тело, стремясь превратить в явь недавние видения. Стелла не оттолкнула его, но лишь иронически взглянула из-под полуприкрытых век.

– Ты пытаешься повторить тринадцатый подвиг Геракла? – спросила она.

Ирония в её голосе оказалась каплей дегтя в бочке меда. Она остудила Адама. Он отпустил её и постарался придать себе безразличный вид. Поддерживая игру, в которую она, казалось, играла, он воскликнул:

– Неужели, богиня, ты стала бы осуждать меня за это?

– Я уже давно перестала осуждать мужчин, – равнодушно ответила она. – Несчастные создания! Но не пытайся идти по стопам Геракла. Парень был ненормальным. Придя в неистовство и буйствуя по всей Элладе, он убил собственных детей и лучшего друга. Его плохо воспитали. Я не сразу заметила его недостатки...

Адам недоуменно взглянул на неё. Шутка зашла слишком далеко. Или, может быть, она сама верит во всё это? В таком случае, ей надо показаться психиатру. Или она находится под воздействием какого-то наркотика?

Он почувствовал, как возбуждение покинуло его.

Широко открытые глаза Стеллы смотрели сквозь него куда-то в бесконечность. Слова, срывавшиеся с её губ, звучали как-то глухо, словно она была далеко от него в пространстве и времени. Не зная, как себя вести, он слушал её рассказ.

– Ты слышал про амазонок?

– Да. Воинственное племя женщин в Малой Азии. Они жили без мужчин и сражались, как мужчины.

– Страна амазонок на самом деле была страной не для мужчин. Они считали их людьми второго сорта, место которым лишь у домашнего очага. Никто из мужчин – под страхом смерти – не должен был входить в их лагерь или присутствовать на их военных состязаниях.

Символом могущества амазонок был волшебный пояс их царицы Ипполиты. Он защищал целомудрие той, что его носит. Царь решил заполучить его для своей дочери и нанял Геракла добыть его. Итак, во главе армии греческий герой отплыл в страну амазонок.

Ипполита и её женщины-подданные пришли в сильное волнение. До тех пор они знали лишь мужчин, которые трепетали перед ними, но теперь Эллада послала против них самого великого героя. Из своей башни я наблюдала, как греческий флот подходит к нашим берегам.

– Ты?! – воскликнул Адам. – Я полагал, что ты – Венера. Как же ты могла быть кем-то ещё?

– Тут нет ничего сложного. Я могу вселяться в любое тело по своему выбору. Для нас, богинь, это возможно. Я всегда там, где Любовь.

Она говорила совершенно серьёзно, словно сама верила в это.

– Что за актриса! – подумал Адам. – Или, возможно, она сошла с ума...

Он откинулся на спинку кресла, пристально глядя на Стеллу. Та продолжала рассказ, не обращая внимания на его изумление.

– Я до сих пор помню, как я тогда была одета. Платье из прозрачного белого шёлка, украшенное миртом. На мне также был волшебный пояс, отделанный жемчугом, от которого исходило синее сияние.

Греческая армия приближалась с шумом и громом, ударяя в щиты. Геракл первым ступил на берег. Как мне описать его? Громкий смех, знаменитую палицу, вьющиеся волосы... Он весь был воплощением силы. Могучие мускулы перекатывались под кожей...

Захваченный представлением, устроенным Стеллой, Адам вновь отхлебнул из стакана.

– Тогда я ещё не замечала тупой жестокости в его глазах. Вся эта телесная мощь скрывала отсутствие других качеств, без которых ни один мужчина не сможет удержать женщину, по крайней мере, на долгое время.

«На что она намекает? – подумал Адам. – Может, пытается преподать ему урок любви?»

– Однако все это я поняла уже потом, – продолжала Стелла. – Когда я впервые увидела его, меня словно током ударило. Сердце учащённо забилося. Любопытство, желание, нежность охватили меня с головы до ног. Это была любовь с первого взгляда.

Стелла говорила с таким увлечением, что на какой-то миг Адам почти поверил ей.

– Я не хотела начинать войну против этого героя. Я желала быть побеждённой им, и послала сказать Гераклу, что готова немедленно принять его во дворец. Женщинам я приказала быть наготове, если мои планы не осуществляются.

Он решительно вошел в мои покои. С его плеч ниспадала львиная шкура, на губах играла вызывающая улыбка. Я чувствовала себя, как влюблённая девчонка.

– Мы будем сражаться, и мы победим! – проревел он.

Звук его голоса потряс мой дворец.

– Тебе не нужно сражаться, ты и так – победитель, – нежно ответила я.

Он недоумённо уставился на меня. Я медленно развязала пояс и прошептала: «Он твой».

Он жадно схватил пояс мощными руками. Дальше не было произнесено ни слова. Мои ноги ослабели. Грудь бурно вздымалась. Мои одежды упали. Геракл привлек меня к себе. Я прильнула к его губам; они были красными и сладкими, как истекающий соком гранат. Он поднял меня и бросил на ложе. Мускулистые руки крепко обвили меня. Я чувствовала на щеке его горячее дыхание. Он покрыл меня жаркими поцелуями. Охваченная любовной лихорадкой, я ожидала чуда, но чуда не произошло.

– Почему? – робко спросил Адам.

– Геракл был груб, – резко ответила Стелла. – Тупая скотина, неспособная на высокие чувства. Он был заурядным самцом, хоть и обладающим силой пятидесяти обычных мужчин.

– Понятно, – пробормотал Адам.

– Пятьдесят умножить на ноль – всё равно будет ноль, – сердито продолжала Стелла. – Получив своё, Геракл уснул, громко храпя рядом со мной. Утром его страсть проснулась вновь. Он схватил меня. Я попыталась сопротивляться. Он одолел меня. Но я не испытывала никакого возбуждения...

– Геракл почувствовал твоё разочарование? – спросил Адам, чтобы хоть что-то сказать.

Стелла кивнула.

– Хотя он не был чуткой натурой, но понял, что его объятия не пробуждают во мне никаких чувств. Он поднялся и накинул львиную шкуру. Его лицо покраснело от досады. В ярости он задел плечом массивную колонну, поддерживающую потолок. Весь дом задрожал. Он бы разрушил весь дворец, если бы я его не остановила. «Геракл, неужели ты должен разрушать всё, к чему прикасаешься?» – спросила я с негодованием.

Не говоря ни слова, он схватил мой драгоценный пояс и стремительно вышел из комнаты. К счастью, ещё ночью я заменила настоящий пояс подделкой. Она тоже была блестящей, но не обладала никакой волшебной силой.

Стелла поднялась, подошла к Адаму и присела на ручку его кресла.

– Теперь ты понимаешь, – мягко сказала она, – почему Геркулесовы столбы не впечатляют меня?

– Так или иначе, он воздвиг себе внушительный памятник.

Стелла улыбнулась.

– У меня этот памятник не пробуждает никаких приятных воспоминаний...

Адам взглянул на часы. Время было позднее.

– Пожалуй, мне пора, – пробормотал он и сухо пожелал Стелле спокойной ночи.

Дверь её спальни была открыта. На кресле около кровати лежал пояс. Он был украшен жемчугом, и от него исходило синеватое свечение.

«Наверно, этот пояс и вдохновил её придумать эту историю», – подумал Адам.

Глава 4

Секрет Дон Жуана

АБСУРДНАЯ история, рассказанная Стеллой, до сих пор звучала у него в ушах. Несомненно, эта женщина наделена живым воображением и просто разыгрывает его. Она не сказала ничего, что нельзя было бы прочесть в книгах. Ну да его мужской интеллект сумеет разгадать игру, поймает её на каких-нибудь противоречиях или нелепом анахронизме.

Такая возможность представилась на следующее утро, когда «Мундания» покидала Гибралтар. Стелла прогуливалась по палубе, провожаемая алчными мужскими и критическими женскими взглядами. Адам, в легком костюме и легкомысленной кепке, с улыбкой приветствовал её. Она любезно позволила ему быть рядом.

– Меня заинтриговал твой рассказ о древнегреческом герое, божественная леди...

Стелла милостиво улыбнулась.

– Скажи мне, – продолжал Адам, – твои отношения с Адонисом принесли тебе больше удовольствия, чем встреча с Гераклом? Кажется, этот парень не оценил твоего пыла; он лишь в растерянности краснел от смущения, вместо того, чтобы действовать...

Но в нём молчит свинцовое желанье.

Она, как уголь в пламени, цветёт.

Он красен от стыда, но в страсти – лед!²⁴

Процитированные Адамом строчки задели Стеллу.

– Шекспир не знал, о чём говорит, – резко возразила она.

– Если не ошибаюсь, – с иронией заметил Адам, – парня убил кабан, прежде чем ты сумела его покорить?

– Он мне надоел, – раздражённо ответила Стелла.

– Для богини любви ты слишком сурова.

– Адонис, – продолжала она, – был милый мальчик, но ничего не знал о любви. Это обычная беда с такими юношами. Найдя волшебную лампу, они выпускают на волю самые сладострастные видения, но, встретив женщину из плоти и крови...

Она усмехнулась и пожала плечами.

– К тому же не следует принимать поэтов всерьёз. Посмотри, какой беспорядок царил в жизни самого Шекспира.

– А страсть Абельяра к Элоизе ты тоже ставишь под сомнение? – спросил Адам. – Наверно, это был страстный любовник, иначе дядя Элоизы не прибег бы к... некой хирургической операции, чтобы умерить любовный пыл молодого человека.

– Абельяр, – возразила Стелла, – втайне смирился с операцией. Он был поэт, но не мужчина. Вместо того чтобы проявить себя в деле, он теперь мог удовлетвориться написанием писем.

– Какая нелепость! – фыркнул Адам.

У него возникло подозрение, что Стелла сочиняет пародии на самые великие любовные истории. Возможно, она использует его как подопытного кролика, чтобы проверить, какой эффект производят её рассказы.

– Ты случайно не собираешь материал для книги? – саркастически спросил он.

– Я не пишу романы. Я их проживаю.

²⁴ У. Шекспир. Венера и Адонис.

Тут перед ними возникла массивная фигура Ван Нордхайма под руку с Ирмой Ривингтон, многократно разведённой леди. Голландец вежливо поприветствовал их. Стелла холодно кивнула.

Итак, двое встретились, подумал Адам.

Адам и Стелла продолжали прогулку. Побережье Испании едва виднелось вдаль.

– Испания – такая романтическая страна, – с притворной серьёзностью заметил Адам. – Здесь появился на свет Дон Жуан, величайший из любовников. Полагаю, ты встречалась с ним?

Он не мог скрыть сарказма в голосе.

– Дважды, – ответила она, зевнув.

Может, она устала от его расспросов? Или её рассердила его ирония? Тем не менее, Адам продолжал гнуть свою линию.

– В чём был секрет Дона Жуана?

– Я устала. Давай спустимся вниз и выпьем.

Адам охотно согласился. Они спустились в её каюту, Стелла смешала ему коктейль.

– Как же ты встретила Дона Жуана? – спросил Адам с прежним сарказмом.

Стелла лениво вытянулась в шезлонге.

– Это было на балу, который давал губернатор Севильи во время карнавала. По мере того как веселье разгоралось, присутствующие становились всё смелее и позволяли себе различные вольности. В ту ночь не одна девушка потеряла голову. Я была донной Анной, дочерью губернатора.

– Ты хочешь сказать, что завладела разумом и телом девушки? – уточнил Адам.

Последовала пауза, Стелла наморщила лоб, словно припоминая, потом продолжила:

– В то время я была этой девушкой. Анна не была обременена излишним умом, но ее твёрдые, вызывающе торчащие груди, не давали покоя поклонникам. Сознывая свое высокое положение, Анна ревностно оберегала собственное целомудрие, однако сейчас её сладострастный взгляд переходил с одного мужчины в зале на другого.

Развратная старая графиня шепнула ей, что Дон Жуан Тенорио, самый порочный мужчина в Испании, находится среди танцующих в масках. Следует сказать, что жениха самой Анны на балу не было, он выполнял какое-то поручение двора.

– Видишь, – показала ей старая карга, – вон тот высокий, длинноногий мужчина, у которого пестрый гульфик – это и есть Дон Жуан.

Между тем Дон Жуан отыскивал глазами меня – самую недоступную женщину в Севилье. На нём была разноцветная маска, а пестрый гульфик лишь подчеркивал то, что должен был бы скрывать.

Страсти достигли такого накала, когда тает лед холодных церемоний. Дон Жуан, однако, учтиво приблизился ко мне и вежливо пригласил на танец. Он заговорил со мной, подражая голосу моего жениха. Я притворилась, что ему удалось ввести меня в заблуждение.

– Откуда ты знала, как бы поступила девушка? – спросил Адам.

– Это мой секрет. Я женщина. Я знаю, как поступают женщины.

Заинтригованный, что ещё она сочинит, Адам сделал вид, что Стелла его убедила.

– Что случилось потом?

– В то время как некоторые пары продолжали кружиться в танце в бальном зале, мы нашли уединённый павильон в парке. Не было произнесено ни слова. Тяжело дыша от возбуждения, Дон Жуан скинул верхнюю одежду и привлек меня к себе. Наши губы соединились, тела сплелись.

Я предвкушала долгую ночь любви. Сладострастное напряжение стремительно нарастало, как вдруг я услышала шаги. Сердце у меня оборвалось, я закричала от ужаса. Это был мой отец, губернатор. Он выбрал то же укромное место для randevu с донной Эльмирой, фрейлиной королевы.

В мгновение ока он обнажил шпагу. Дон Жуан схватил свою, которая лежала рядом на скамейке. В последовавшем коротком поединке шпага Дона Жуана пронзила сердце моего отца. Великий любовник натянул штаны и исчез в ночи. Я уговорила Эльмиру вернуться на бал, словно ничего не случилось. Однако, в конце концов, она проболталась. Анна была безнадежно скомпрометирована...

– Каким образом Дон Жуану удалось избежать наказания за убийство губернатора? – спросил Адам.

– У семьи Тенорио были, что называется, «связи». Дон Жуан легко отделался – был сослан в Неаполь. Там я встретила его во второй раз.

– Что? Вы снова встретились?

– Но ведь тогда нам помешали... На этот раз я была Изабеллой, герцогиней Неаполитанской. К тому времени Дон Жуан уже, как сказали бы сегодня, «поимел» 1003 женщины. Его рекорд возбудил моё любопытство. Его же влекла ко мне моя репутация. Меня называли «неаполитанской ведьмой». Имея много любовников, я была привередливой.

Как и в первый раз, Дон Жуан прибег к обману. Видимо, это входило в его технику оболыщения и придавало пикантность любовным приключениям. На этот раз он пришел, завернувшись в плащ, украденный его слугой у одного из моих любовников. Как и в прошлый раз, я притворилась, что ему удалось меня обмануть. Лишь в будуаре он открыл свое лицо.

– Дон Жуан! – воскликнула я в притворном удивлении.

Мне даже удалось покраснеть. Он целовал меня и вёл искуcительные речи. Потом он скинул с себя одежду. Истинный любовник сначала раздел бы женщину...

«Я бы именно так и сделал», – хотел сказать Адам, но слова застряли у него в горле.

– Затем он раздел меня; его ловкие руки успели попрактиковаться на 1003 женщинах. Потом подвёл меня к большому зеркалу. В его глазах вспыхнуло желание, когда он рассматривал наши отражения. Должна признать, это было красивое зрелище. Он был прекрасно сложен. Никаких недостатков...

– Значит, ты, в конце концов, получила то, что хотела?

– Нет. Интуиция подсказывала мне, что больше всего его возбуждало собственное стройное тело, а не моё.

– Дон Жуан страдал нарциссизмом?

– Это было за несколько веков до Фрейда, – заметила Стелла. – Тем не менее, Дон Жуан почувствовал, что я заметила, какое удовольствие он получает от того, что разглядывает себя. Он попытался исправить впечатление, подхватив меня и бросив на постель. Но я не испытала ни экстаза, ни даже прилива страсти. Я не могла забыть, что Дон Жуан влюблён в себя – не в меня!

Он волочил за всеми женщинами, которые оказывались поблизости, – от королевы до служанки, – чтобы в очередной раз доказать свою мужскую силу. Сами женщины его мало интересовали. Именно охота на женщин, а не сами женщины, поддерживала огонь его страсти. Неразборчивость в средствах делала процесс соблазнения не таким скучным...

– Мне кажется, ты несправедлива, – возразил Адам. – В каждом мужчине заложен инстинкт охотника. И Дон Жуан не был исключением.

– Возможно. Но конечная цель мужской охоты – женщина.

– Необязательно женщина, но – женщины. Разнообразие придает любви особую пикантность, – заявил Адам, припомнив статью по вопросам секса одного итальянского исследователя.

– Мужчина, – возразила Стелла, – может любить более одной женщины одновременно. Однако настоящий мужчина получает больше удовольствия от одной женщины, чем Дон Жуан от 1003.

– А что случилось с Дон Жуаном в старости? – спросил Адам, вновь делая вид, что принимает рассказ Стелы за чистую монету.

– Вскоре после нашей встречи в Неаполе его не стало. Барселона была последним пунктом его любовного паломничества. Он умер в публичном доме.

В этот момент в каюту вошел, двигаясь с кошачьей грацией, молодой, смуглолицый итальянец в голубой униформе. Это был Феликс. Он подал Стелле поднос с несколькими радиogramмами. Та вежливо поблагодарила его, в голосе звучали ласковые интонации. Адам с любопытством взглянул на неё. Неужели этот пышущий здоровьем молодой стюард мог заинтересовать «богиню»?

Глава 5

Влюбчивый крестоносец

АДАМ ГРИНЛИФ ворочался в постели. Ни мягкие подушки, ни нежное покачивание корабля на волнах не могли погрузить его в сон. В крови пылал огонь. Он порывисто сбросил с себя покрывало и уставился в темноту. Комната, казалось, была наполнена видениями прекрасных женских тел, однако все их контуры и черты лица вскоре слились в образ Стеллы. Её тело, от которого исходило сияние, манило и влекло Адама, но когда он протягивал руки, видение исчезало.

Кусая губы, он устало откинулся на подушку. Была ли Стелла авантюристкой? Или, действительно, в неё перевоплотились все те страстные женщины, о любовных приключениях которых она так убедительно рассказывала? Может, она действительно была Венерой, в дурном, садистском расположении духа?

Впрочем, всё это, конечно, чушь или сумасшествие. Она всего лишь красивая, умная, образованная женщина, которая развлекается таким причудливым образом. С какой целью? Чем это всё закончится? Удастся ли ему в конце концов покорить её?

Страсть пульсировала в венах. Куда подевался его самоконтроль? Его мужское превосходство? Его циничное отношение к женщинам?

На корабле были и другие женщины, которых он мог бы заполучить, лишь поманив пальцем. Сам он иногда цинично называл любовь «психозом». Его влечение к Стелле – это «сердечный психоз», подумал он. Однако никакой самоанализ не мог вернуть ему спокойствие.

Должен же быть какой-то способ завоевать её... Может, нужны какие-то особые слова, необычные подходы, экзотические ласки...

Адам копался в своей памяти, пытаясь припомнить самые фантастические любовные позы; и с этими мыслями он, наконец, забылся тяжёлым, беспокойным сном.

Он проснулся от лёгкого прикосновения и вздрогнул. Открыв глаза, он увидел Феликса. Молодой, смуглолицый стюард смотрел на него с улыбкой, почтительной и в то же время чуть ироничной.

«Прошу прощения, сэр... Я дважды постучал, но никто не ответил, и я вошел...».

Испытывая лёгкое смущение, Адам, подобно своему тезке в раю, прикрылся покрывалом, словно фиговым листком.

– Леди Стелла, – продолжал юноша, – приглашает Вас присоединиться к ней за ланчем в полвторого.

– Который час? – спросил Адам.

Стюард взглянул на наручные часы.

– Почти двенадцать.

– Уже так поздно? Хорошо, поблагодарите леди Стеллу и передайте, что я с благодарностью принимаю её приглашение.

Адам принял душ и побрился с особой тщательностью. Надел белые брюки и синий пиджак спортивного покроя. Тщательно причесался и с удовольствием взглянул на своё молодое, приятное лицо с лёгким румянцем.

– Определенно, я не похож на профессора, и я не должен вести себя как профессор, – сказал себе Адам. – Я должен вести себя как светский человек, много повидавший и знающий жизнь...

На память ему пришла одна книга о сексуальной жизни полинезийцев, а также различные материалы об эротической технике восточных властителей. Одна поза – на рисунке 96, таблица 4, в индийской книге любви – всегда особенно интриговала его, пока что чисто теоретически.

До сих пор у него не было возможности испробовать её на практике, однако она хранилась в тайных уголках памяти.

– Вот оно! – сказал он себе. – Я докажу ей, что не являюсь в любви дилетантом!

Стелла сидела на балконе и меланхолично курила длинную сигарету с турецким табаком; кольца дыма плыли в воздухе, наполняя его ароматом, отдаленно напоминавшим запах гашиша. Она лениво перебрасывалась словами с Ирмой Ривингтон, дамой, которая сидела в ресторане за одним столом с Адамом. Среди пассажиров ходили слухи, что никакого мистера Ривингтона никогда не было и что драгоценностями, украшавшими её пышную грудь и толстые пальцы, перезрелая кокетка обязана длинному списку фиктивных мужей.

Заметив голодный любовный блеск в голубых глазах Адама, она тактично удалилась. Стелла проводила миссис Ривингтон до двери, но не пыталась её задержать. Едва дверь закрылась, как Адам схватил её в объятия и чуть не разорвал на ней платье.

– Нет никакой необходимости, – спокойно заметила Стелла, – рвать платье, которое так легко снимается...

Одним быстрым движением она расстегнула несколько застёжек. С волнующим шорохом платье упало на пол. Насмешливо и выжидающе Стелла смотрела на Адама.

Он медленно принял необходимую позу – как на рисунке 96, но тут раздался стук в дверь. Адам быстро поднялся из неудобной позы, испытывая одновременно и раздражение, и облегчение, оттого что ему не пришлось доводить представление до конца.

Разумеется, их потревожил вездесущий Феликс.

– Прибыли наши коктейли, – спокойно сказала Стелла, неторопливо надевая платье.

– Проклятый Феликс! – проворчал смущённый профессор.

Стюард молча подал коктейли; держался он скромно, хотя в глазах светилось любопытство. Возбуждение Адама полностью прошло. Ни второй, ни третий коктейль не смогли вернуть ему прежний пыл.

– Мой бедный друг, – заметила Стелла, когда Феликс удалился, – не думай, что твои маленькие хитрости, которые ты почерпнул из книг, могут заинтересовать или возбудить меня. Ты напоминаешь мне одного знакомого, Гвидо, с которым я впервые встретила на юге Франции...

– Что за Гвидо?

– Гвидо де Лузиньян, король Иерусалимский и Кипрский.

– Мы называем его Ги, – вставил Адам и добавил с нескрываемым сарказмом. – Он тоже был одним из твоих поклонников?

Стелла улыбнулась.

– В то время как французские рыцари, устав от своих жен, отправились на поиски Святого Грааля и темнокожих арабских красавиц, Ги де Лузиньян «поддерживал огонь в их очагах». Рыцари пытались обеспечить целомудрие своих жен с помощью различных хитроумных приспособлений...»

– Пояс целомудрия?

– Именно. Однако они не позаботились о том, чтобы уничтожить всех мастеров. Отмычка, которой обладал Ги, пользовалась огромным спросом в каждом замке. Везде он был желанным гостем, и завоевал репутацию искусного любовника, поскольку изучил тайные любовные ритуалы Востока из книги, которой снабдила его одна из стареющих любовниц.

– Это была эпоха ревнивых мужей, супружеской неверности, бродячих менестрелей, – заметил Адам, довольный своей образованностью.

Стелла кивнула.

– Миннезингеры разносили славу о Ги от замка к замку. Он чуть не умер от удара в Париже. Но судьба готовила ему другое.

Альмарик, король Иерусалимский, был глубоко опечален. Бог не дал ему сына. Его дочь Сидония была настолько же внешне безобразна, насколько и целомудренна. У нее были кривые зубы и косоглазие. Несмотря на это, приданое – Королевство Иерусалимское – привлекало многих претендентов на её руку, включая французских рыцарей при дворе Альмарика. Однако принцесса всех холодно отвергала. Опасаясь, что королевство может быть потеряно для Франции, рыцари вызвали самого выдающегося любовника своей страны.

– И Ги согласился?

– Если бы тогда существовали фотографии, Ги, возможно, заколебался бы, прежде чем согласиться на этот брачный союз. Однако на портрете принцессы, который ему привезли из Святой Земли, не было видно ни кривых зубов, ни косоглазия.

– Что произошло, когда он увидел свою наречённую?

– Ги был расчётливым французом, поэтому он сказал себе: я всегда могу закрыть глаза...

– А что Сидония?

– Она влюбилась в него. Однако Ги дорого заплатил за свою победу. Каждую ночь Сидония требовала от него плату за свою руку и за трон отца. Все изысканные любовные приёмы Ги она считала обычным проявлением чувств и воспринимала как должное. Хотя она была вполне удовлетворена его знаками внимания, косые глаза ревниво следили за мужем. Когда Альмарик умер, Ги наследовал трон.

– Теперь-то уж он смог показать себя полновластным хозяином?

– У него не оказалось такой возможности, потому что вскоре после этого великий султан Саладин без труда присоединил Иерусалим к своим владениям.

– Что случилось с Ги?

– Ему пришлось уступить королевство, но он сохранил свои богатства и – хоть не стремился к этому – свою жену. Султану не нужна была Сидония. Таким образом, она отправилась в изгнание вместе с Ги. Французские рыцари, которые ушли с ним, добыли ему другое королевство. Так он оказался – без всяких усилий с его стороны – королем Кипра.

«Интересно, где она всё это вычитала», – удивился Адам. Стелла, между тем, продолжала свой рассказ, не замечая его скептицизма.

– Ги не был рожден для сражений. Когда византийский император Эммануил протянул руку к Кипру, Ги сдался. Старый император прибыл на Кипр, чтобы получить корону Ги. Императора сопровождала его любимая фаворитка Зенобия. Когда-то она была цирковой наездницей, теперь же занимала место рядом с монархом. Ги не был бы настоящим французом, если бы не попытался возместить потерю королевства победой в постели Зенобии.

Однажды прекрасным весенним вечером они встретились в маленьком храме любви. Ловелас средних лет использовал все свои приемы, чтобы покорить Зенобию. Комната была насыщена благовониями, привезенными из Тибета. Огромные зеркала отражали каждое движение любовников. Ги не пытался взять Зенобию быстрым приступом, но действовал постепенно и осторожно. Он по-своему сражался за свое королевство.

– Зенобия испытала то же, что и остальные женщины?

– Она ожидала испытать невероятное наслаждение и ни в чём не препятствовала ему.

Одна изысканная ласка сменяла другую. Казалось, сами зеркала готовы были покраснеть. Зенобия была заинтригована, но не потрясена. Рвение, с которым Ги предавался любовным утехам, напоминало ей игры молодого слона. Когда Ги прибег к позиции, по-моему, 48, из книги любви, она про себя рассмеялась. В завершении Ги использовал самую изощрённую любовную практику малайцев...

– Что именно?

Стелла пожала плечами.

– Я точно не помню, однако, она очень сложна и требует большого умения, а потому высоко ценится. После последнего возгласа притворного наслаждения Ги взглянул на Зенобию как тщеславный актер, привыкший к аплодисментам в конце спектакля.

Зенобия знала, что такое любовь, и не раз в своей жизни испытывала страсть. Она понимала, что бедняга пытался таким образом заработать свой приз – королевство Кипр. Любовные упражнения Ги забавляли её. Каждое механическое движение уменьшало его шансы вернуть себе королевство. Если бы он действительно сумел поразить её, она, возможно, нашла бы способ помочь ему...

– Ги понял, что произошло? – хмуро спросил Адам, усваивая урок.

Стелла рассмеялась.

– Ги, определенно, считал себя победителем. В беседе, которая последовала за любовным спектаклем, он поделился с ней честолюбивыми замыслами. Он нарисовал перед Зенобией блестящую картину её будущего – на троне рядом с ним и в его постели. О Сидонии даже не упоминалось. Зенобия не говорила ни «да», ни «нет». Она лишь загадочно улыбалась. Он принял её улыбку за согласие...

– Возможно, если бы он был на двадцать лет моложе, – начал Адам...

– Возможно... Но он не был, и переговоры с императором окончились неудачей. Эммануил получил королевство Ги и его богатства, но, разумеется, не имел намерения брать себе Сидонию. Внешне Ги вел себя с холодным достоинством – но внутри у него всё кипело от гнева. Перед тем как покинуть Кипр, ему удалось встретиться с Зенобией наедине. «Что я неправильно сделал? – спросил он. – В чём я ошибся? Прошу, скажи мне...». Зенобия звонко рассмеялась. «Ты всё делал правильно, – мягко ответила она. – Твоя техника была великолепной. Было всё – кроме любви». «Любовь, как сказал один остроумный француз, это всего лишь последовательность приятных трений», – возразил Ги с присущим ему цинизмом. «Это правда, но не вся правда. Должно быть ещё что-то, что заставляет сердце женщины учащённо биться...».

– Фикция плюс фрикция, – усмехнулся Адам.

– Если кто-то жаждет любви, то все малайские или индийские ухищрения могут оказаться бесполезными. Ничто, порожденное истинной страстью, не может быть неестественным, запретным или смешным. Но для любви необходимы двое влюблённых. И этого не заменит никакое самое искусное мастерство.

Стелла улыбнулась, поднялась и предложила Адаму сигарету из украшенного драгоценными камнями портсигара. Он принял сигарету, но не закурил, а вместо этого встал и отклонился. Удрученный и пристыжённый, он побрел к себе. Его слегка утешало лишь то, что не успел сделать ничего такого, что окончательно унизило бы его в глазах Стеллы.

«Возможно, я показался ей чудачком, но хотя бы не...», подумал он, даже про себя не решившись употребить непристойное слово.

Глава 6

Помпейские любовники

СЛОВНО белый лебедь, «Мундания» тихо вошла в синие воды Неаполитанского залива. Программа развлечений предусматривала экскурсию в Помпеи, однако Стелла, по каким-то ей одной известным причинам, предпочла посетить мертвый город в сопровождении одного лишь Адама. Везувий благодушно взирал на некогда погребенный им город. Над кратером вулкана поднималось лёгкое белое облачко.

– Видимо, старый обманщик выглядел так же мирно и в тот самый день, перед тем как обрушиться на город огненный ад, – заметил Адам.

– В то время море достигало того места, где мы сейчас стоим, – заметила Стелла. – Эта улица тогда была бы под водой.

«Откуда, черт возьми, она может это знать», – удивился Адам.

Шумные рестораны и отели выстроились вдоль дороги к месту, ставшему самым знаменитым кладбищем античного мира. «Словно кто-то открыл бар у кладбищенской ограды», – подумал Адам. Непрерывно тараторящие гиды предлагали всем свои услуги, но Стелла отмахнулась от них. Пройдя через тоннель, они оказались на мостовой мёртвого города. Древние дома и фонтаны, созданные людьми, которые умерли тысячелетия назад, глубокие колеи, оставленные римскими колесницами, – всё это глубоко взволновало Адама.

Стелла курила одну из своих странно пахнущих сигарет. Её дыхание участилось. Рука, до которой дотронулся Адам, была холодной и безжизненной. Он взял её руки в свои, словно мать, стремящаяся передать своё тепло ребенку. Длинные, тонкие пальцы Стелла слегка дрожали. В её глазах отражался ужас обречённого города в минуты гибели.

– Когда-то, – шёпотом сказала она, – воды этого фонтана были хрустально чистыми. Здесь старый поэт Квадратус²⁵ декламировал свои оды, которые никто не слушал. Мимо рабы несли в паланкине престарелого сенатора Насора на берег для морского купания... Представь себе Пятую Авеню без машин, с разрушенными небоскрёбами, обломками манекенов в витринах магазинов; или Бродвей, без театров, обезлюдевший; или Пиккадилли, пустынную и безжизненную...

Движения Стеллы были неуверенными, как у медиума в состоянии транса. Может, она ломала комедию?

– Всё это, – сухо заметил Адам, – может случиться и с нами, если начнётся атомная война. Да и во время Второй мировой войны бомбардировки не щадили мёртвые города...

– Но эти взрывы открыли новые сокровища, – ответила Стелла, затягиваясь сигаретой, и добавила, – Помпеи сильно изменились с моего прошлого посещения.

Она решительно повела Адама по улицам, не обращая внимания на толпы туристов в летних костюмах, которые смотрелись в этом мёртвом городе как призраки из другого мира. Стелла шла уверенно, словно она действительно знала все закутки и повороты извилистых улочек. Они остановились перед внушительным домом в узком переулке. Профессиональный гид выглянул из двери и выжидающе посмотрел на них.

– Простите, это дом Марка Сабина? – спросила она на неаполитанском диалекте.

– Этот человек и его семья, – ответил гид, – не живут здесь уже более 1900 лет, но я с удовольствием покажу вам дом.

– Спасибо, – улыбнулась ему Стелла, – но в этом нет необходимости.

²⁵ Иронический намёк на самого автора: «Viereck» по-немецки значит «четырёхугольник»; Эптон Синклер карикатурно вывел его в нескольких романах под именем «Forrest Quadratt».

Она провела Адама во внутренний дворик. Потом они бродили по дому.

– Это, – указала Стелла на цветную фреску, – царица амазонок Ипполита. Сабин не был настоящим знатоком, а его вкус был слишком академичен. Он питал слабость к дорогим второразрядным художникам и к дорогим второразрядным шлюхам. Ни он, ни его друг – Цецилий Юкунд – не разбирались ни в искусстве, ни в женщинах. Поэтому и то, и другое обходилось им в кругленькую сумму. Они платили по таланту за каждую фреску и по таланту за каждую женщину.

«Действительно ли этот Цецилий Юкунд когда-либо существовал?», – подумал Адам, но вслух ничего не сказал.

Когда они вошли в спальню Сабина, Стелла огляделась, словно это была комната, где она провела много счастливых часов. Но надолго здесь не задержалась. Вздохнув, она попросила Адама проводить её на виллу Цецилия Юкунда.

На одном перекрестке она остановилась.

– Как здесь тихо! В старые времена здесь стоял специальный человек – вроде нашего регулировщика, чтобы направлять носилки и колесницы...

«Что это, игра воображения? – подумал Адам. – Без сомнения, она читала Бульвер-Литтона²⁶...»

Отмахнувшись от назойливого гида, Стелла вошла в роскошную резиденцию, которую когда-то занимал жизнерадостный Цецилий, словно это был её собственный дом.

– Неплохо, – заметил она, указывая на большую мраморную ванну – Вы, американцы, воображаете, что изобрели водопровод, но на самом деле римляне опередили вас на две тысячи лет...

В одной комнате она на мгновение остановилась, потом подошла к зрителю.

«Что случилось с фреской, которая раньше находилась на этой стене?»

«Мадам, – с некоторым удивлением ответил тот, – ту фреску убрали много лет назад. Теперь она в музее, в Неаполе».

Покинув дом Цецилия, они пересекли старый цирк и оказались на пыльной улице.

– Когда-то эта улица шла вдоль берега гавани, – заметила Стелла.

Дома были неказистые, как в трущобах Нью-Йорка или Лондона. Стелла остановилась перед домом, который выглядел особенно неприглядно.

– Я словно чувствовала, что Везувий пощадит это место! – воскликнула она.

Она вошла в темный и грязный вестибюль. Проникавшие внутрь солнечные лучи безжалостно обнажали секреты античного борделя. Цветные фрески на стенах отличались от величественных картин в домах знатных горожан. Тут сатир соблазнял древесную нимфу; там Юпитер удерживал солнце, чтобы продлить ночь любви с одной из своих смертных возлюбленных. Мужчины, женщины, животные, гермафродиты сплелись в пылких объятиях, и, застыв в вечном экстазе, смотрели со стен на вторгшихся чужаков. Негр с уродливым лицом, но телом Адониса, отдавался ласкам старой римлянки. Весталки предавались бесстыдным обрядам. А сверху на них, безмятежно и понимающе, взирал Приап, греческий бог плодородия, символизирующий неисчерпаемую мужскую силу.

Адам вспомнил различные фаллические эмблемы, указывавшие дорогу к этому дому наслаждений. Он понял, почему патриций, владевший виллой по соседству, счел необходимым специально обозначить, что его дом *не* является борделем.

Стелла кокетливо взглянула на Адама.

– Археологи, – насмешливо сказал она, – называют это «Домом распутной любви». Какая чушь! Возлюбленные никогда не переступали порог этого дома. Любовь не нуждается в дополнительных обольщениях...

²⁶ Эдвард Джордж Бульвер-Литтон (1803–1873) – английский писатель; автор романа «Последние дни Помпеи» (1834).

Адам взглянул на фрески. Может, Стелла намеренно пытается его возбудить? До сих пор, когда его страсть вспыхивала, она задувала огонь. На этот раз она узнаёт, что затеяла опасную игру. Он порывисто привлек её к себе, но она оставалась безучастной. Ее отрешённость привела Адама в ярость, он неловко обнял её. Стелла, оставаясь полной хозяйкой положения, убрала его руку оттуда, где ей было не место. Она вывела обессиленного профессора из «Дома распутной любви».

Спустя полчаса они сидели в тени дома Стефана Либида.

– Люди знают все об архитектуре этого дома, – заметила Стелла, – но ничего не знают о тех, кто жил и любил за этими стенами, ныне потрепанными временем. Стефан Либид, или для краткости Стив, был богатым патрицием.

– О, его ты тоже знала? – усмехнулся Адам.

– Каждая мать, имевшая дочь на выданье, бросала в его сторону алчные взоры, – продолжала Стелла, не обращая внимания на иронию Адама. – Самые известные куртизанки Рима и Помпей соперничали за его благосклонность. Им не приходилось жалеть о затраченных усилиях – сильный, красивый, страстный, он не скупился ни на ласки, ни на вознаграждение, платя по таланту за каждый миг близости. Жизнь в Помпеях была веселой и безмятежной, потому что, в отличие от Рима, этот город не стремился править миром.

Ты видел дом Цецилия Юкунда. У него был плохой вкус к искусству и к женщинам, однако он безмерно увлекался и тем, и другим. Тем не менее в собственной семье он был решительным приверженцем женского целомудрия. Его дочь Марсия воспитывалась, как девственная весталка; она была непорочной, возможно, единственная девственница в Помпеях. Её невинность привлекла внимание Стива.

Он посылал Марсии роскошные букеты, отпускал ей изысканные комплименты и терпеливо сносил скучные разговоры её отца. Стив хвалил посредственные, хоть и дорогие, фрески сенатора и его неказистых женщин. Когда он официально попросил руки Марсии, сенатор не сказал «нет». А Марсия твердо сказала «да».

Днем Марсия всегда находилась под тщательным присмотром. Однако по ночам она металась на белых простынях; в мечтах, отгоняя сон, ей являлись картины любви богов и людей. Ни одна женщина в Помпеях не могла быть в неведении о физической стороне любви, и Стив являлся Марсии в девичьих грезах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.